Master Negative Storage Number

OCI00055.07

Menchits. Vlad. A.

Kievskaia skazka pro dieda neurozhaika

Kiev

1876

Reel: 55 Title: 7

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00055.07

Control Number: BGP-7306
OCLC Number : 25331894
Call Number : W 381.5917R M521k
Author : Menchits, Vlad. A.
Title : Kievskaia skazka pro dieda neurozhaika i babusiu nedoimku / trud i izdanie kievskago knigoprodavtsa Vlad. A. Menchitsa.
Imprint : Kiev : Tip. E. IA. Fedorova, 1876.
Format : 30 p. ; 19 cm.
Subject : Fairy tales Ukraine.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11 - 01 - 94
Camera Operator: CS

КІЕВСКАЯ СКАЗКА

ПРО

ДѢДА НЕУРОЖАЙКУ

И

ЗЛУЮ БАБУ НЕДОИМКУ

W 90

Дозволено Цензуров. Кіевъ, 5 го Мая 1876 г.

Литографія Е. Я. Федорова.

48

КІЕВСКАЯ СКАЗКА

ПРО

ДѢДА НЕУРОЖАЙКА

И

БАБУСЮ НЕДОИМКУ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Милымъ моимъ землякамъ.

ТРУДЪ и ИЗДАНІЕ КІЕВСКАГО КНИГОПРОДАВЦА,

Влад. А. Менчица.

КІЕВЪ.

ТИПОГРАФІЯ Е. Я. ФЕДОРОВА.

1876.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 30 марта 1876 года.

КІЕВСКАЯ СКАЗКА

Про дѣда „Неурожайка“ и бабусю „Недоимку“

Кому изъ Васъ, милые мои земляки, траплялось [1]) на вѣку своемъ повстрѣчать дива та чуда такія: дѣдугана „Неурожайку“ и злющую его бабу „Недоимку“? Охъ, воля ваша мои дорогіе, хотя и много на бѣломъ свѣтѣ всякой пакости, одначе хуже такой скверноты, какъ эти „Неурожайко“ и „Недоимка“, ничего кажется и быть не можетъ.

Господи, Господи святый! Владыко Небесный! Подумаешь: чего только на бѣломъ свѣтѣ, та надъ бѣдными людьми, не водится... Такіе противные, такіе непріятные представились они мнѣ „Неурожайко“ и „Недоимка“, что и теперь этого плюгавства [2])

---

[1]) Пришлось, случилось, невзначай набрести.
[2]) Мерзости, отврат. вещи.

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 30 марта 1876 года.

КІЕВСКАЯ СКАЗКА

Про дѣда „Неурожайка“ и бабусю „Недоимку“

Кому изъ Васъ, милые мои земляки, трапялось [1]) на вѣку своемъ повстрѣчать дива та чуда такія: дѣдугана „Неурожайку“ и злющую его бабу „Недоимку“? Охъ, воля ваша мои дорогіе, хотя и много на бѣломъ свѣтѣ всякой пакости, одначе хуже такой скверноты, какъ эти „Неурожайко“ и „Недоимка“, ничего кажется и быть не можетъ.

Господи, Господи святый! Владыко Небесный! Подумаешь: чего только на бѣломъ свѣтѣ, та надъ бѣдными людьми, не водится... Такіе противные, такіе непріятные представились они мнѣ „Неурожайко“ и „Недоимка“, что и теперь этого плюгавства [2])

---

[1]) Пришлось, случилось, невзначай набрести.
[2]) Мерзости, отврат. вещи.

забыть еще не могу... Отъ этихъ только, Неурожайка и Недоимки, отъ нихъ однихъ, сколько бѣды наберется человѣкъ, пока проживетъ свой вѣкъ не долгій. А всей-бѣды, всего горя сколько?! Не одному изъ насъ приходится сказать про себя и жизнь свою: на бочку дегтя одна, однимъ одна ложка меду, и то не ложка, а ложечка...

Пригода съ „Неурожайкомъ“ и „Недоимкой случилась мнѣ въ нашемъ таки селѣ „Вертикіівкѣ“.. Знавали а можетъ слышали нашу „Вертикіівку“? Такъ себѣ, знаете, селячка, небольшое и не маленькое; видное [1]) только: на горѣ стоитъ, и ставъ [2]) есть... А если станете подъѣзжать къ селу, то будете объѣзжать гору со всѣхъ боковъ, станете крутиться [3]), а село то покажется, то сховается [4]) отъ васъ, и такъ вертится, что хоть кому станетъ досадно. И когда въѣдете, наконецъ, въ село что откуда то, вдругъ, къ вамъ возь-

---

[1]) Замѣтное, открытое.
[2]) Прудъ, запруда.
[3]) Ѣхать изворотами, извилинами.
[4]) Спрячется.

мется, не вытерпите и непремѣнно скажете: ну, село! справедлива „Вертикіівка!“

Выпала вся пригода [1]) со мною подъ святой праздникъ, подъ самого Ивана Купайла. Меня и еще одного наймита послалъ батько на ночлегъ, съ волами и рабочими лошадьми. Пока то мы допхались [2]) по волѣ [3]) къ мѣсту, уже таки добре было поздно; думаю, перші півні [4]) скоро должны были запѣть. И ночь выдалась темная, мѣсяца на небѣ не было, не всходилъ. Съ нами и собачка побѣжала, „Черкасъ“, прозывался.

Пріѣхали это мы на облоги, [5]) попускали скотину, лошадей попутали, а сами приспособились подъ возомъ на ночлегъ.

Было не множко хмарно, боялись, чтобы и дождикъ не порскнулъ [6]). Я постлалъ не много сѣна, и какъ упалъ, такъ и заснулъ, какъ убитый, а наймитъ за скотомъ пошелъ.

---

[1]) Случайность, произшествіе необыкновенное.

[2]) Доплелись.

[3]) По маленьку, тихонько, шагъ за шагомъ.

[4]) Первые пѣтухи.

[5]) Облоги: низменность, долина луговая, съ окресностями мелкаго лѣса...

[6]) Порскнулъ: порошилъ, пустился, помочилъ.

Не знаю, какъ долго я спалъ, и будто, мнѣ кажется, не спалъ даже совсѣмъ; только гляжу очами, глипнулъ [1]) кверху, Господи, Боже мой, такъ и обмеръ! И теперь, хотя и давно это было, и теперь страшно, да такъ, словно покинули меня ночевать въ склепу, [2]) съ мертвымъ, у котораго, при жизни его, я позичалъ [3]) и не отдалъ гроши.

Вотъ, какъ я очнулся, кинувшись, стоитъ, духъ святый при насъ, стоитъ, говорю, опудало [4]) надо мной. И такое оно, что и сказать нельзя, какое страшное. Стоитъ и сопетъ. Кругомъ ни духа, стишилось [5]) все въ мірѣ, какъ въ ухѣ, одинъ я самъ. и опудало со мной. Сердце въ грудяхъ колотится, словно выскочить хочетъ, мертвая дрожь всего меня прохватила. А опудало насовуется и насовуется [6])... Боже мой! что тутъ его на свѣтѣ робить [7]).

---

[1]) Глипнулъ—бросилъ глазами.
[2]) Склепъ—кирпичный подвалъ.
[3]) Позичалъ—занималъ.
[4]) Опудало: страшилище, мара, навье.
[5]) Притихло.
[6]) Насовуется - придвигается.
[7]) Робить—дѣлать.

Говоритъ это оно ко мнѣ: „знаешь меня? Я—Неурожайка, старый дѣдъ, а вотъ при мнѣ и баба моя, Недоимка!..

Повелъ я глазами, присмотрѣлся, не множко какъ будто повиднѣло. Взаправду, такъ и есть, изъ Неурожайка, отъ его горба на спинѣ, чудомъ якимсь, и Недоимка опросталась. Уже двое стало.

Ну, думаю, хлопче! Пропадешь ты ни за собачу матірь. Перевелъ я духъ, языкъ помочилъ, что пересохъ было, и говорю къ страшилищамъ:

Гдѣ же, панъ Неурожайка и вельможная пани Недоимка, гдѣ вы мешкаете, [1]) и куда бредете, за чѣмъ на Васъ это синяки [2]) такіе на обоихъ?

Словно дохлая собака, Неурожайка прогнусявилъ:

„Живемъ, говоритъ, въ пьяной сторонѣ. Синяки у насъ, обоихъ, отъ того такіе, что противъ насъ пошли всѣ люди, и намъ приходится очень плохо. А прежде жилось куда

---

[1]) Мешкать—обитать, жительствовать.

[2]) Синякъ—ушибленное мѣсто на тѣлѣ.

лучше. Куда бы ни зашелъ, вездѣ мнѣ почетъ, приволье; въ прежнее время жилось такъ хорошо, гугцявилъ дѣдъ, что и женитъся захотѣлось"

„А теперь гонятъ меня, бьютъ безъ пощады, товчутъ [1]) у всѣхъ народовъ, какъ гамана." [2])

„Въ Англію хоть и не показывайся. У Англичанъ такіе для меня кулаки, такая кулаками тѣми мнѣ лупка, по головѣ, хребтѣ и промежъ мягкихъ частей, что и вспомнить больно и тошно. Вдюжитъ это тебя, рыжебородый англикъ, желѣзными этими кулачищами, въ землю даже вкинишь. Охъ, бьютъ тамъ, чтобъ имъ кости на рукахъ поломались."

При этихъ словахъ, закашлялся дѣдъ, сталъ разглаживать синяки свои и тихо стонать: знать такъ у него тѣло разболѣлось.

„Вотъ, продолжалъ „Неурожайка," вотъ очень уже моимъ бокамъ стало накладно отъ англійскихъ сельскихъ хозяевъ, отъ ихъ

---

[1]) Товчутъ: мнутъ бока, наддаютъ кулаковъ.
[2]) Гаманъ—еврейскій обычай

немилосердаго битья. Не втерпежь пришлось, я и отсунулся отъ нихъ въ Ирландію. Такая сторона есть.

Въ этой Ирландіи, спасибо, ксендзы меня пригрѣли. Оттуда, распросивши путь, присталъ я въ Померанію и Мекленбургъ. Хорошо тутъ мнѣ жилось. Мужики пьютъ, евреи мнѣ помогали. Можетъ и дальше тутъ я пожилъ бы, да стало слышно, евреи евреямъ пишутъ, что у васъ на Руси, пошло крѣпко на выпивку. Я и сообразилъ, что у васъ, значитъ, на Руси, нашему браву Неурожайкѣ жить способно. Вотъ я и поволокся къ вамъ, на Русь, залѣчивать [1]) свои синяки. Рады не рады, а ужъ принимайте меня за гостя. Мѣсто ваше будетъ мнѣ знакомо: случалось, прежними временами—приходилось тутъ бывать, и жилось ничего, не извольте изобидѣть и теперь."

А, пуръ вамъ, пекъ вамъ, панъ Неурожайка, отвѣтилъ я. Идите себѣ туда, откуда взялися, хоть къ Туркамъ, въ туречину, а не то, подъ шумъ-головой [2]),. Чтобы у насъ,

[1]) Заживлять.
[2]) Въ пропасть.

на Руси, и духу вашего противнаго не пахло.

Сталъ я ещё смѣлѣе, и думаю:

„Не напился ли мой дѣдъ? Давай спрошу у него, не выболтаетъ ли съ пьяныхъ глазъ, что у него на думкѣ, и не скажетъ ли самъ на себя заклятія какого, чѣмъ бы его проклясть можно, такъ чтобы истребить его со всѣмъ, чтобы отъ него не было больше бѣды народу нашему, русскому?! И спросить бы его самого про его происхожденіе на свѣтъ: и отъ кого онъ произошелъ?“

Собравшись съ духомъ, сталъ я къ нему говорить, хоть во рту такъ пересохло, что языкъ едва ворочался:

„Давно, старче, плентаетесь [1]) вы по свѣту, какого вѣку—есте, и—кто ваши тато и мама?“ [2]).

„Э, хе-хе,“ зашипѣло ко мнѣ это чупирадло, словно и говоритъ то ко мнѣ кожухъ [3]):

„Матінка моя—Глупота, а батько—Скупердяка. Славные они у меня мои родители“.

---

[1]) Плентаетесь—шатаетесь, ходите, бродяжничаете.

[2]) Отецъ и мать.

[3]) Кожухъ—тулупъ.

„Я ихъ понитаю, и теперь они еще живы. Какъ слюбились они, Глупота и Скупердяка, сцарувались [1]), выносили и вывели меня „Неурожайку“ на свѣтъ Божій. И вотъ вошедши въ силу, воспитавшись сталъ я похаживать, да между людей „Неурожаемъ“ быть. И чрезъ меня, и чрезъ родителей моихъ людямъ сытости не стало“.

„Спрашиваешь, гнусилъ дѣдъ далѣе, чѣмъ и какъ, какими заклинаніями извести меня, согнать со свѣта?“ Долго люди не догадывались въ чемъ дѣло: по церквамъ предъ Богомъ проклинали батька моего Скупердяку, а мать Глупоту не трогали; оно и была бѣда на половину.

Теперь люди опамятовались, почали къ маткѣ моей, Глупотѣ, придираться, да, на изморъ ее, Глупоты, школы строить. И съ той поры, какъ почались школы, отъ тѣхъ школъ пошли мнѣ горе и великая бѣда и тѣснота, да и стало такъ плохо, хочь и духу пускайся“

„Кахъ, кахъ!,“ и покатился мой Неурожайка: Ой, синяки—синяки мои! какъ они болятъ,

---

[1]) Спарувались—соединились..

послѣ желѣзныхъ англійскихъ кулаковъ. Ни чѣмъ ихъ и не загою [1]). Кладу всякія масти, примочки; а про то кулакъ, какъ отпечатался на тѣлѣ, и мясо подъ нимъ какъ печеное."

А долго еще вашего вѣку остается, долго будете надъ бѣднымъ народомъ знущатись? [2]) спрашиваю я Неурожайка.

„Охъ, на концѣ видно уже вѣку моего живу", загнусилъ въ отвѣтъ Неурожайка. Школы, школы, школы—вотъ моя пагуба, поперекъ горла стали—и дышать мнѣ несподобно. За мѣстъ дворцевъ моихъ, кабаковъ и всякихъ оннныхъ заведеній, школы людъ устрояетъ, грамотность ширитъ. Вомѣсто моихъ пріятелей, шинкарей и сивухи, очищавшей землю отъ плода—пошли и размножились учителя и книги, а въ книгахъ тѣхъ проклятія маткѣ моей, „Глупотѣ." Отъ учителей, книгъ, школъ, отъ всѣхъ этихъ моихъ супротивниковъ—бѣжищь, какъ отъ херувимскаго ладона. Гдѣ это несчастье развелось, въ ту сторону даже и не навертывайся. Да вотъ

[1]) Загою—заживлю.

[1]) Знущатись—издѣваться.

горе, скоро и бѣжать то будетъ некуда. Повсюду, даже дикіе люди—озлились противъ матки моей Глупоты. Изморомъ: школами и учителями хотятъ ее, мать мою, Глупоту, извести. А за какую провинность—самъ незнаю."

„Чѣмъ не житте [1]) темному человѣку?! шамкалъ далѣе плюгавый Неурожайка. Для темной головы, та дурного розуму, всегда ночь, дня—нѣтъ. Лежи себѣ, пока выдержатъ бока, спи, сколько здужаешь [2]); въ темнотѣ, что и не такъ сдѣлаешь—сойдетъ; темному какъ и слѣпому—все „ниочемъ"..

„И чѣмъ такая жизнь не жизнь, особливо коли подвынить?! добавилъ Неурожайка. И надъ чѣмъ ломать голову? Какъ на сердцѣ, отъ сиву хи, свѣтло, а въ головѣ отъ дурного розуму—темно, тогда, такого человѣка, ничѣмъ не разувѣришь. Что ни говори ему, а онъ все одно твердитъ: „хлѣба Богъ дастъ, уродитъ. Хлѣбъ самъ уродитъ, коли Богъ такъ захочетъ"

Вотъ бы такихъ людей, съ этакими вотъ головами хотѣлось бы по больше, вздыхалъ Неурожайка.

---

[1]) Житте—жизнь, обстановка вся.

[2]) Здужаешь—въ силахъ, въ возможности.

„А за мѣсто людскаго не умѣнья, русскаго „авось да небось“—что дѣлается? Сказать и то станетъ не ловко, чуть не плача говорилъ Неурожайка.

„Измѣняются совсѣмъ люди! Что грибовъ въ дождливое лѣто, сколько школъ понастроивали; въ книжки и мужики заглядываютъ, да еще только хорошія изъ книгъ выбираютъ. Доучились, додумались, и про „уродить,“ если и говорятъ, то съ прибавкой: „тому, кто самъ того хочетъ, чтобъ ему уродило.“ О, горькій—горькій мой часъ! И съ синяками, среди побоевъ и всякихъ колотушекъ, а все хотѣлось бы жить,“ стоналъ Неурожайка.

„Чего, именно, бажаете [1]) вы?“ спрашиваю этого голодранца дѣда.“ Бабѣ вашей и вамъ, что же милѣе всего?

„Жду не дождусь, а хотѣлось бы дожить, закричалъ Неурожайко, словно его оса укусила, чтобы на всемъ свѣтѣ лѣса извелись, и скотина вымерла, или извелась бы на шкуры. [2]) Этого только бы дождаться, ожилъ бы я тогда и надъ самыми школами—смѣялся бы“.

---

[1]) Бажаете—желаете.

[2]) Шкура—кожа.

„Гдѣ, въ которой сторонѣ, стелется, между небомъ и землей, свѣжая листва густыхъ та большихъ лѣсовъ; гдѣ степи полны скотскаго духу—туда хоть и не показывайся нашъ братъ „Неурожайка". Забьетъ дыханіе этой свѣжестью лѣсной и запахомъ скотскаго живота, и станетъ мнѣ тяжело, что совсѣмъ обезпамятѣешь, станешь какъ не живой."

„Гдѣ шумятъ лѣса, скотъ стелетъ свой поретъ, въ чащѣ лѣсной, въ дубровахъ—раздается живой скрипъ деревъ, крахтятъ зеленыя ихъ вѣтви, а листва уносится вѣтромъ и устилаетъ собой землю—среди этой жизни я дурѣю и обмираю."

„И полуживой, полумертвый—такъ лежу, пока пріятели мои, евреи, не вызволятъ меня изъ гроба и дадутъ мнѣ подмогу: изведутъ враговъ моихъ. Зеленый лѣсъ станетъ пеньками,[1]) что торчатъ какъ чортовы—роги, а скотину потянутъ на костепальни сахарныхъ заводовъ. Чуть это я заслышу гергетанье пріятелей моихъ, евреевъ, обоняю смрадъ отъ печей, гдѣ горятъ кости скотины, что въ плугѣ ходила, снопы возила въ токъ

[1]) Пеньками.—пнями.

этимъ запахомъ надышавшись — оживаю, ворушусь [1]), какъ отъ живущей и цѣлющей воды — раждаюсь новымъ, свѣжимъ, крѣпкимъ „Неурожайкомъ“.

„Родившись вновь, помолодѣю, гуляю какъ парень съ дѣвкой, и бѣда той землѣ, гдѣ я ожилъ, и всталъ отъ своего обморока. Глубоко закалываю все живое въ этой сторонѣ острыми своими зубами, всю харчь земную какъ дикій вепрь съѣдаю, поѣдомъ ѣмъ, паломъ палю, пока лютость моя не изсякнетъ..., только подъ моей тяжелой пятой земля и люди стономъ стонутъ.“

„Царь Небесный! вскричалъ я. Богъ милосердный! вотъ теперь то достанется бѣдной моей родинѣ! Какъ разъ изводитъ она у себя лѣса, сжигаетъ древесную благодать въ печахъ сахарныхъ заводовъ; скотину голодомъ мордуетъ [2]) и кости ея испепеливаетъ въ казанахъ костепаленныхъ. Лѣса и скотъ — мучатся въ нашей сторонѣ въ огнѣ, какъ грѣшныя души въ пеклѣ. [3]) А послѣ нихъ и

---

[1]) Ворушусь — трогаюсь, шевелюсь.
[2]) Мордуетъ — мучитъ.
[3]) пекло — адъ.

людямъ такое же пекло настанетъ. О, Господи — Создатель! взмилуйся ты надъ ней бѣдной, сторонай моей родной! Повели быти пророку, чтобы ослобонилъ лѣса и степь отъ пекла, а людей и землю отъ Неурожайки лютаго"!!

Разскажите же, дѣду, обратился я къ Неурожайкѣ", разскажите, я послушаю про ваши старые годы, какъ жилось вамъ въ старину, что вы такъ плачетесь и ремствуете [1]) на наше время и—наши школы"?!

Нынѣшнее время?! прогнусилъ Неурожайко. Что можетъ быть хуже нонѣшняго времени"?

Чѣмъ же оно худо», и до такой степени, какъ вы говорите? спросилъ я, не помня себя отъ радости.

А какъ же иначе считать, гнусилъ Неурожайка. Случись я гдѣ, хотя вотъ въ малой сторонѣ, будь это хоть одна ваша губернія, такъ вѣсть обо мнѣ пойдетъ по всей землѣ, до самыхъ краевъ ея; разстелется густымъ туманомъ по всей поверхности необозримой земли русской. И между баръ именитыхъ, и среди сѣраго простонародья; пріот

---

[1]) Ремствовать—плакаться, жаловаться

творитъ и зайдетъ въ двери тюремъ и воинскихъ казармъ. И отъ нея, отъ вѣсти этой обо мнѣ, всѣ, всѣ переполошатся: и дѣти, и тѣ на меня нападутся.

И накинется это на меня людъ весь, отъ мала до велика, словно на лютаго звѣря; каждый несетъ и даетъ, чѣмъ бы покарать меня. Острожники, даже солдаты отказываются отъ своего найка, всюду собираются крохи. Смотрите, нанесутъ столько, соберутъ такія суммы, что, глядишь, вся моя работа ни къ чему не привела. Даже мнѣ, Неурожайкѣ, станетъ стыдно, глядя на такое дружное участіе къ неурожайной округѣ. Какъ—же не плакаться на такое время"!..

„Въ старину, продолжалъ Неурожайка, было, по этой части, со всѣмъ не такъ, за прежде была мнѣ роскошь: гдѣ хочешь, тамъ и заводись своимъ дѣломъ, никто мѣшать тебѣ не станетъ.

Бывало это я властвую въ Москвѣ, а въ слободской украинѣ, сѣверской землѣ хлѣба немолоченнаго цѣлыя скирды; самы хозяева о хлѣбѣ томъ не вѣдаютъ, на верху скирдъ

бурьянъ, [1]) какъ лѣсъ, стоитъ. Вотъ какое было время. Душу людей въ одной сторонѣ голодомъ, а по соседству хлѣба такое многое множество, что и дѣваться съ нимъ не знаютъ куда. И душишь, вотъ, людей голодомъ, какъ мухъ.

Вспоминаю своѣ похожденія, гнусявилъ Неурожайка. Въ 1024-мъ году я это вкотился въ русскую землю. И натворилъ же я тогда, и понадѣлалъ роду людскому на руси бѣдъ!! До того довелъ эту сторону, что рѣзали, изъ нужды та лютой голодовки, женщинъ и—старую прислугу.

Перегодя нѣкоторое время, ополчился я опять все противъ той же русской земли, и въ нѣкоторыхъ ея областяхъ такая мука была людямъ, что отъ бѣды та голодной нужды убивали своихъ родныхъ.

Въ 1092 г. уже понапустился я на многія области, и были людямъ всѣ ужасы голодной смерти.

Въ 1128 году опять была отъ меня, Неурожайки, страшная голодная смерть—повсюду.

Отъ тяжкаго усилія, какъ бы покрѣпче

[1]) Бурьянъ—сорные злаки.

сжать людей, ради отдыха, сталъ я послѣ 1128 года уже съ промежутками работать. Именно:

Въ 1279 году—душилъ Русской земли многія области.

Въ 1309 сотворилъ во всей русской землѣ гладъ крѣпокъ.

Въ 1570 году пронесся опустошеніемъ и смертью по всей русской землѣ, и въ тотъ добрый для меня годъ много людей перемерло.

И покорялись мнѣ тогда всѣ и все: и смерды и воеводы. Однихъ монастырей нельзя было укусить: камнемъ, та божьей милостью огородились. И чего—чего въ то глухое время люди не дѣлали?! И все себѣ, и своимъ приснымъ; подчинялись всѣмъ ужасамъ голодной смерти, а меня—не трогали, противъ меня не соединялись, сопротивляясь моей желѣзной силѣ въ одиночку.

Я это замѣтилъ и такъ приспособился, что въ каждые двѣнадцать—тринадцать лѣтъ нападалъ на людей и мучилъ русскую землю.

Вотъ и вышло отъ меня, Неурожайки, на русскую землю, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ

по Рождествѣ Христовѣ, за круглые сто лѣтъ времени цѣлыхъ восемь голодухъ.

Въ тринадцатомъ (XIII) вѣкѣ, за такія же сто лѣтъ, выпущено на пагубу русской земли тоже восемь голодовокъ.

Въ четырнадцатомъ (XIV), опять за точно такое же время, въ теченіи ста лѣтъ было сѣмь разъ голодное бѣдствіе.

За двѣсти лѣтъ пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ (XV и XVI) нападалъ я на русскую землю въ каждые сто лѣтъ по восьми-разъ, а во всѣ двѣсти лѣтъ выслалъ шестнадцать голодовокъ губить племя русское.

И вспомнить это время—пріятно, даже помолодѣешь и оживешь. Это разойдешься, разлютуешься, обнимешь желѣзнымъ кольцемъ область, а то и цѣлую округу, по всей землѣ пустишь моръ, и летитъ смерть шибкимъ полетомъ. Подъ нею згибаются люди, какъ на нивѣ колосья созрѣвающей пшеницы. И исчезаютъ съ лица земнаго роды цѣлые, тысячи семей, цѣлыя поколѣнія. По костямъ человѣческимъ, какъ по покосамъ свѣжей травы, ходишь, бывало. Вотъ это было вре-

мячко, вотъ это были добрые для меня, Неурожайки, года.

А теперь, при нынѣшнихъ людяхъ и порядкахъ скрадываешься, всяческія подходцы прибираешь, только бы провести тѣхъ, кто на сторожѣ стоитъ. И не всегда успѣваешь. Ни оттуда, ни отсюда и стрясется надо мною цѣлая погоня; досмотрятся, что мой слѣдъ пошелъ въ русскую сторону, и учнутъ тогда по тѣмъ моимъ слѣдамъ гвалтовать, да такъ, что, за общей дружной помощью и околѣешь, замрешь.

„Всей мнѣ поживи въ нонѣшнее время, гдѣ нибудь въ безвѣстной глуши. Какую нибудь хиленькую деревеньку, гдѣ нибудь въ Бѣлоруссіи или Смоленской губерніи, подцѣпишь, поприжмешь. Да и тутъ, чуть разлютуешься, позапустишь въ живаго человѣка когти—глядь и тутъ на тебя накинутся какіе то люди отъ земства.“

Неурожайка умолкъ. Въ эту минуту, пронесся, мимо, свиснувъ крыльями, пугачь [1]). Въ кустахъ заклекоталъ буселъ [2]), на рудѣ [3])

[1]) Пугачь—филинъ.
[2]) Буселъ—аистъ.
[3]) Руда—торфяное болото.

заквакали, загоготали лягушки, какъ будто засѣрѣло отъ тѣней приближающагося свѣта утренняго. Страшилища: Неурожайка и Недоимка стали мѣняться лицами, совсѣмъ—совсѣмъ сократились, отъ слабости къ землѣ припали.

Что такое съ вами? удивленный, спрашиваю. Что за причина къ вамъ, что дѣется съ вами?!.

„Охъ, простонали обое: Неурожайка и Недоимка; охъ, лютый нашъ часъ подходитъ, вотъ, вотъ къ намъ святость близится. О, тяжело—тяжело! вытянули они обое.. Это,.. это, стонали страшилища, это... воздѣлъ къ Богу руки Печерскій Схимникъ. Всю ночь онъ стоялъ на молитвѣ и заступается предъ престоломъ божіимъ за русскую землю. Это тяжелѣйшая для насъ обоихъ—година..

По его молитвамъ, Господь ума посылаетъ людямъ, а землѣ плодущую силу. И борются противъ насъ: земля—за людской родъ, изводя изъ своихъ нѣдръ живую людямъ силу; а—умъ, по тому уму, по его внушенію, люди измышляютъ на пагубу нашу всякія средства, и приборы.

„Вотъ умомъ своимъ, посланнымъ имъ отъ Бога и понаходили люди многое, многое худое противъ насъ, протнусявила уже Недоимка, а Неурожайка со всѣмъ затихъ.

„Прежде, противъ меня, Недоимки и мужа моего, Неурожайки—люди прежде держали громадскіе токи, съ общественнымъ хлѣбомъ. Выкрутится кто отъ Неурожая, запутается, какъ муха въ паутинѣ, въ Недоимкѣ. Послѣдняго кожуха снимутъ, остатняго хвоста сведутъ со двора, еврею за безцѣнъ отдадутъ. На токи напустишъ бывало мышей, а коль скоро изобиліе хлѣба и мыши не смогутъ, тогда, за мышами, евреевъ.

Какъ разъ какъ хлѣбъ понадобится—хлѣба въ токахъ ненайдутъ. Одно слово небоялись мы токовъ тѣхъ, и нищили людей, какъ сами знали. За рубль мой, Недоимочный, плюндрували [1]) хозяина, иной разъ, до останку, такъ что вырвется отъ меня голый и босый, съ голодной семьей и, какъ риба, что сорвется съ удки, и съ загарачу въ неводъ въ самый куль, такъ и хозяинъ—

---

[1]) плюндрували—раззоряли.

отъ меня въ кабакъ, а съ кабака колъ въ старці, [1]) то еще хорошо, а то украдетъ коня, та на краденномъ, со всѣхъ ногъ, въ острогъ, а въ острогѣ уже ему и аминъ. А я, Недоимка, ажъ за бока берусь, та реготомъ [2]) регочусь.

„А теперь пустили люди въ ходъ умъ За послѣднее время, стали учреждать сельскіе банки, ссудныя товарищества, сберегательныя кассы. Вотъ и пришлось мнѣ, Недоимкѣ, тутъ запѣть—заголосить.

„Дѣйствительно, тѣми банками хорошо вспомоществуютъ. Достанутъ хлѣба по дешёвой цѣнѣ, подушное заплатятъ, неотдавая ростовщику послѣдней свиты, помогутъ хозяину подняться послѣ несчастнаго года. Противъ такихъ орудій дешеваго вспомоществованія народу: сельскихъ банковъ, ссудныхъ товариществъ, сберегательныхъ кассъ дѣйствительно нельзя ничего подѣлать. Ни мышей, ни евреевъ нельзя на нихъ напустить.

При этихъ словахъ, Недоимка замахала руками, схватившись за косы, сбила на бокъ

[1]) Старці—нищіе.
[2]) реготъ—хохотъ.

съ головы своей хустку, [1]) и разразилась старушечьими, словно гусакъ сычитъ, проклятіями. А на небѣ все свѣтлѣло, все прояснялось, ставало на свѣтъ благословиться.

„Охъ, сельскіе банки, заголосилъ въ свою очередь, Неурожайка, охъ, эти товарищества, гдѣ земледѣлецъ, ктобы онъ ни былъ, крестьянинъ, дьячекъ, солдатикъ, вольно-живущій въ селѣ, шляхтичъ, вдова попадья, гдѣ весь этотъ людъ, нуждающійся въ деньгахъ по осени когда хлѣбъ дешевъ, а деньги нужны для уплаты мірскихъ, земскихъ, выкупныхъ, оброчныхъ, казенныхъ и всякихъ другихъ, что сходятся въ одну пору, въ Октябрѣ и Ноябрѣ, платежей и податей, чтобъ могъ перехватить въ такое время нѣсколько десятковъ рублей и продержаться продажей своего добра до лучшихъ цѣнъ, выждать подходящаго времени, хоть довесны!!. Въ нихъ, банкахъ этихъ, и будетъ могила родителямъ моимъ: Скупердякѣ и Глупотѣ, а безъ нашихъ отца и матери и мы обое не страшны!“..

Заступается, подумалъ я, заступается

---

[1]) Хустка—платокъ.

Господь, чрезъ Святыхъ своихъ изъ русскихъ людей, за нашу русскую землю и народъ православный.

Разсвѣтало, виднѣлось, на свѣтъ благословилось. Чудища, такъ меня угнѣтавшія, Неурожай и Недоимка стали зникать, уходя въ даль отъ свѣтлѣвшаго дня. И поволоклись, потянулись въ ранней предразсвѣтной мглѣ, и Неурожайко и его поганая баба, Недоимка.

Чуть отступили они отъ меня, я скорѣе, чѣмъ дужъ бѣгомъ, да швиденько, къ своей худобѣ [1]). Прибѣжалъ, весь трушусь, а наймитъ мой лежитъ кверху животомъ, въ ямку голову положилъ, и еще жаба на самую грудь ему вскочила.

Разбудилъ я наймита, солнечный лучь прорѣзался; и мана [2]) моя, Неурожайко и Недоимка стинули изъ моего сознанія. Я перекрестился. По лѣсу застонало, пошла луна [3]) по облогамъ, въ гущавинѣ дерево гнулось и скрипѣло, какъ отъ вѣтра. До слуха

---

1) Худоба—рогатый скотъ.
2) Мана—очарованье.
3) Луна—эхо.

моего доходило какъ буто изъ земли, какъ буто выпиралъ кто изъ себя звуки:

„О, горе—горе намъ: Неурожайкѣ и Недоимкѣ. Стали люди заботиться о скотѣ и за сѣянную траву! Перестали и недаютъ евреямъ правъ на торговлю водкой!. Быть можетъ умудрятся и скоро перестанутъ лѣса пустошить!. Каждый мужикъ можетъ знать сколько прійдется ему платить, разсчитываетъ время, и незастанешь его съ недоимкой въ расплохъ. На случай недостачи, дадутъ въ сельскомъ банкѣ денегъ, позикой повѣрятъ. Больше не понадобится снимать съ него или съ жены его послѣдніе свиту или кожуха, для заставы [1]), ростовщику. . Горе—горе! приходитъ послѣдній нашъ часъ“!!

И разнеслись эти говоры, гуломъ загули, по всему хутору. Вороны снялись съ вѣтвей дерева и каркая, летѣли клевать оставленный ими вчера трупъ. Наша собачка тоже стала обзываться, а до сего была какъ неживая, только скимлетъ, [1]) та жалобно воетъ.

На душѣ у меня, при начавшемся днѣ,

---

[1]) Застава—залогъ.

[2]) Скимлетъ—жалуется.

совсѣмъ полегчило. Изнемогши, я заснулъ, та до поздняго обѣда и проспалъ. Проснулся весь въ мокромъ поту, какъ будто тяжелую—тяжелую работу я кончилъ.

Хотя все это и давно случилось, а вспомнить и теперь станетъ на душѣ не весело и не ловко. Да что и говорить, встрѣча съ такой бѣдой, какъ Неурожайка—Недоимка хоть кому нагонитъ не веселыя думки.

На Бога, одначе, надежда, Господь милостивъ! Слышно, какъ мужики—сѣрый народъ обѣлятся—тогда въ конецъ сгинутъ съ земли и Неурожайко—Недоимка, и Глупота—Скупердяка. Подождемъ, пока все это случится, а, полагать должно, что это непремѣнно такъ и будетъ, что сѣрый народъ обѣлится... И зналъ даже я таковскаго, обѣлившагося, мужика, что обернулся на Пана. И затѣмъ, съ мужикомъ этимъ, послѣ того какъ онъ обернулся на Пана, такое случилось, что цѣлая вышла исторія, которую если хотите, я разскажу, а вы, будьте ласковые [1]), послушайте:

---

[1]) Ласковые—добрые, расположенные.

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

моего доходило какъ буто изъ земли, какъ буто выпиралъ кто изъ себя звуки:

„О, горе—горе намъ: Неурожайкѣ и Недоимкѣ. Стали люди заботиться о скотѣ и за сѣянную траву! Перестали и недаютъ евреямъ правъ на торговлю водкой!. Быть можетъ умудрятся и скоро перестанутъ лѣса пустошить!. Каждый мужикъ можетъ знать сколько прійдется ему платить, разсчитываетъ время, и незастанешь его съ недоимкой въ расплохъ. На случай недостачи, дадутъ въ сельскомъ банкѣ денегъ, позикой повѣрятъ. Больше не понадобится снимать съ него или съ жены его послѣдніе свиту или кожуха, для заставы [1]), ростовщику.. Горе—горе! приходитъпослѣдній нашъ часъ“!!

И разнеслись эти говоры, гуломъ загули, по всему хутору. Вороны снялись съ вѣтвей дерева и каркая, летѣли клевать оставленный ими вчера трупъ. Наша собачка тоже стала обзываться, а до сего была какъ неживая, только скимлетъ, [1]) та жалобно воетъ.

На душѣ у меня, при начавшемся днѣ,

[1]) Застава—залогъ.
[2]) Скимлетъ—жалуется.

совсѣмъ полегчило. Изнемогши, я заснулъ, та до поздняго обѣда и проспалъ. Проснулся весь въ мокромъ поту, какъ будто тяжелую—тяжелую работу я кончилъ.

Хотя все это и давно случилось, а вспомнить и теперь станетъ на душѣ не весело и не ловко. Да что и говорить, встрѣча съ такой бѣдой, какъ Неурожайка—Недоимка хоть кому нагонитъ не веселыя думки.

На Бога, одначе, надежда, Господь милостивъ! Слышно, какъ мужики—сѣрый народъ обѣлятся—тогда въ конецъ сгинутъ съ земли и Неурожайко—Недоимка, и Глупота—Скупердяка. Подождемъ, пока все это случится, а, полагать должно, что это непремѣнно такъ и будетъ, что сѣрый народъ обѣлится... И зналъ даже я таковскаго, обѣлившагося, мужика, что обернулся на Пана. И затѣмъ, съ мужикомъ этимъ, послѣ того какъ онъ обернулся на Пана, такое случилось, что цѣлая вышла исторія, которую если хотите, я разскажу, а вы, будьте ласковые [1]), послушайте:

---

[1]) Ласковые—добрые, расположенные.

КІЕВСКАЯ СКАЗКА

про

Бѣднаго мужика, обернувшагося Паномъ; какъ сталъ онъ за тѣмъ жить и что съ нимъ случилось и—со всего этого что вышло?...

18 Марта 1876 года.
г. Кіевъ.

W381.5917R-H521k
W117173